

Хочется погорячее

Александр Кобрин сыграл концерт памяти Льва Наумова

Гюляра Садых-заде

Сыграть сольный концерт в Большом зале Консерватории, когда тебе всего двадцать пять лет от роду — согласитесь, это успех. Все равно что удостоиться маркировки: «Проверено, качество высшее». Мастерство Александра Кобрин, ученика великого профессора Льва Николаевича Наумова,

проверялось неоднократно. Он четырежды проходил сквозь конкурсное горнило и становился лауреатом: в Глазго, в Больцано (конкурс имени Бузони), в Хамамацу (Япония) и, наконец, в 2005-м — в маленьком тexasском городке Форт-Уорт, где проходит знаменитый конкурс имени Вэна Клайберна. Победа в последнем, самом сложном и престижном со-

стязании принесла молодому пианисту деньги и славу. Посыпались предложения от агентов: Кобрин успел съездить в американское турне, дать около ста концертов, вернуться в Москву и поучаствовать в фестивале «Возвращение». Юноша явно относится к тем, кто «жить торопится и чувствовать спешит». Пока, впрочем, игра Александра — полудетская, порой умильно-ученическая. Особой значительности, а главное — своего, выстраданного, незаемного взгляда на классику Кобрин не обнаружил. Слов нет, он сыграл сольную программу грамотно, продемонстрировал владение разными стилями. Пожурчал трелями и отрывисто поцокал в сонатах Гайдна, романтически разлился и помечтал в «Детских сценах» Шумана, пороскошествовал в Рахманинове. Слушать его было не скучно, но не оставляло ощущение, что эта выглаженность, безупречность игры есть неизбежный и огорчительный результат конкурсных марафонов, унифицирующих личность и ма-

неру игры. И программа была типично конкурсная: на первых турах обычно играют сонаты Гайдна и Моцарта, на вторых — этюды-картины Рахманинова и крупную романтическую форму. А ведь известно: тот, кто часто играет на конкурсах, шлифует свою интерпретацию до такого блеска, что сам становится похож на камень-голыш: гладкий, приятный на ощупь, никаких тебе шероховатостей, изъянов, но и никакой индивидуальности.

Кобрин, спору нет, пианист интересный. Он, например, очень проникновенно играл медленные части гайдновских сонат — верный признак музыканта мыслящего. Эффектно и бодро прозвучали Вариации на тему Корелли Рахманинова. В кулуарных разговорах после концерта выяснилось, что именно Вариации Александр выучил относительно недавно. Видимо, еще не успел отшлифовать до блеска, да и кураж не прошел — потому и тонус исполнения был повышенный.

Зато в первом отделении сонаты Гайдна — особенно ми-минорная, совсем несложная — прозвучали странновато. Никакой дистанции между авторским текстом и исполнителем; ни намек на актуализацию, на своеобычность — играем, как написано в нотах. Старательно, по школьным прописям. Но кому интересно в тысячу первый раз слушать то, что известно по программам музыкальной школы?

«Детские сцены» Шумана поразили излишне медленными темпами и вялой подачей. Казалось, душа пианиста никак не откликалась на трогательно наивные шумановские мелодии. Мир детства вышел блеклым и прозрачным.

Однако, несмотря на некоторую незрелость трактовок, потенциал пианиста, несомненно, высок. Быть может, оступив от конкурсной гонки, поднабравшись жизненных впечатлений и взрослого чувственного опыта, он сыграет иначе — осмысленнее, горячее, интенсивнее.

Фотограф: Петр Касин/Газета

Газета-2006-
18 апр-с 24.

Кобрин Александр

18.04.06.

206